

## Публикации аспирантов

УДК 81'33

**Васильева М.Н.**

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

### ОСОБЕННОСТИ ТЕЗАУРУСНОГО И МОТИВАЦИОННОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В.Е. МАКСИМОВА НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ «КОВЧЕГ ДЛЯ НЕЗВАННЫХ», «ЗАГЛЯНУТЬ В БЕЗДНУ» И «КАРАНТИН»

**M. Vasilyeva**

*M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University*

#### PECULIARITIES OF THESAURUS AND MOTIVATIONAL LEVEL OF V. MAXIMOV'S LINGUISTIC PERSONALITY BASING ON THE TEXTS OF "ARK FOR THE UNINVITED", "LOOK INTO THE ABYSS" AND "QUARANTINE"

*Аннотация.* В статье проводится анализ нескольких концептов художественной картины мира В.Е. Максимова и структурирующих их индивидуальных когнитивных моделей, а также исследуются прецедентные тексты и их роль в языковой личности В.Е. Максимова. Исследование проводится на материале текстов «Ковчег для незваных», «Заглянуть в бездну» и «Карантин». Анализ показал, что писатель выражает своё отношение к историческим событиям двадцатого столетия, апеллируя к библейским прецедентным текстам. Автор соотносит их с советской эпохой, что отражает его мировоззрение. Новизна исследования определяется анализом нескольких концептов художественной картины мира В.Е. Максимова и структурирующих их индивидуальных когнитивных моделей.

*Ключевые слова:* концепт; индивидуальные когнитивные модели концептов; картина мира; прецедентный текст; прецедентная ситуация.

*Abstract.* The article presents an analysis of the main concepts of the imaginative world view of V. Maximov and particular cognitive models which construct them, it also studies precedent texts and their role in V. Maximov's linguistic personality. The study is carried out on the basis of the texts "Ark for the Uninvited", "Look into the Abyss" and "Quarantine".

The analysis has revealed that the writer expresses his attitude towards historical events of the 20th century appealing to the Biblical precedent texts, he correlates them with the Soviet epoch which reflects his worldview. The novelty of the study consists in the analysis of the main concepts of the imaginative world view by V. Maximov and individual cognitive models which construct them.

*Key words:* concept, individual cognitive models of the concept; worldview; precedent text; precedent situation.

Цель статьи – исследовать когнитивные модели концептов *память, душа, слово, время* в текстах «Ковчег для незваных», «Заглянуть в бездну» и «Карантин», проанализировать пре-

© Васильева М.Н., 2013.

цедентные тексты и прецедентные ситуации в данных романах, определить их роль. Такой анализ проводился на фоне русской общенациональной языковой картины мира. Мы выбрали именно эти концепты, поскольку они наиболее устойчивы и постоянны среди других концептов В. Максимова в данных текстах.

В исследовании языковой личности В.Е. Максимова мы опираемся на модель языковой личности, представленную Ю.Н. Карауловым, которая включает 3 уровня: нулевой (вербально-семантический), первый (тезаурусный) и высший (мотивационный) [4, с. 52]. В данной статье мы рассматриваем тезаурусный и мотивационный уровни языковой личности В.Е. Максимова на материале его текстов «Ковчег для незваных», «Заглянуть в бездну» и «Карантин», а именно: концепты *память, душа, слово, время*, структурирующие их индивидуальные когнитивные модели, прецедентные тексты данного писателя. Для этого мы использовали метод сплошной выборки.

В процессе контактов с окружающим миром, восприятия мира человек по-своему концептуализирует его. Эта концептуализация, отражающая отношение человека к нему, то есть «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании её носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» и называется картиной мира [12, с. 21]. Каждый естественный язык отображает свой способ восприятия и организации (=концептуализации) мира. Таким образом образуется некая единая система взглядов, своего рода коллективная философия, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [1, с. 350]. Термин «концепт», несмотря на его широкое использование, до сих пор не имеет единого определения, хотя изучением концептов продуктивно занимаются Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.Н. Телия, А.П. Бабушкин, Р.М. Фрумкина, С.Е. Никитина и

др. Вслед за В.А. Масловой мы примем следующее определение концепта: «это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определённой этнокультуры» [9, с. 50].

Д.С. Лихачёв отмечает, что «расшифровка» концепта зависит от ситуационного контекста, культурного опыта и культурной индивидуальности концептоносителя [5, с. 5].

Известно, что структурируют концепты единицы ментального языка фреймы, фрейм-структура данных для представления (визуальной) стереотипной ситуации [10, с. 7]; фрейм представляет собой «перечисление деталей, из которых складывается содержание дающего как бы кадр фильма» [9, с. 67]; сценарий – «последовательность нескольких эпизодов во времени; это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития» [11] «описание процесса, действия, с его важнейшими этапами» [9, с. 67]. В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова в статье «Когнитивная модель» приводят три значения термина *когнитивная модель*, одно из которых – «модель понимания текста как результата естественной обработки языковых данных» [3] и добавляют: «тогда говорят о построении ментальных моделей текста (Джонсон-Лэрд), когнитивных моделей понимания или когнитивных моделей обработки текста, которые, в свою очередь, требуют построения когнитивных моделей отдельных ситуаций. Когнитивное моделирование, состоящее в построении когнитивных моделей речи, зрительного восприятия и т. д., выясняет как состав информационно самостоятельных модулей, так и механику их взаимодействия и «архитектуру» единой системы модулей» [3].

#### **Основные когнитивные модели и сценарии концепта «память» у Владимира Максимова**

Одна из ярко представленных в концептуальной системе Максимова традиционных когнитивных моделей, имеющая «сценарную» структуру – ПАМЯТЬ КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО: *в то же мгновение память ус-*

лужливо напомнила ему о недавнем разговоре с экспертами-синологами... [8]; Я снова закрываю глаза, и, сквозь обволакивающую меня дрему, моя память принимается записывать его неторопливую, с глухотцой речь... [7]; С тех пор прошло пятьдесят лет, но память, равнодушно пропустив мимо себя всё последующее, сохранила в ней только то, чем она жила долгие эти годы [6]; Во сне к нему пробились отдалённый колокольный звон. ...Густой, протяжный звон заполнял его, вызывая в сонной памяти зыбкое чередование картин и видений давно минувшего... [6]. Анимизацию памяти Максимов создаёт, приписывая ей душевные свойства и состояния, а также способность совершать человеческие действия.

Вторая модель, также углубляющая уже существующее в языке представление о пространственных воплощениях памяти (ср. *держат в памяти, копаются в памяти*), – ПАМЯТЬ КАК НЕКОЕ ПРОСТРАНСТВО: Видение смазывается, линяет, растекаясь в самые отдалённые уголки памяти [7]; ...с самого дна памяти вдруг всплыла перед ним епифанская даль с жидкими перелесками в сизой дымке полевого рассвета, одуряющие запахи летней косыбы в Приамурье, острый запах дымящегося навоза на дворовом снегу... [6]. Память в данных примерах представлена в виде фрейма.

ПАМЯТЬ представлена и КАК НЕКИЙ ПРЕДМЕТ (также в виде фрейма): По росистой траве бежала девушка, ... и ситцевое платьице на ней плескалось и стекало к ногам цветастой памятью, — бежала так раскованно и легко, будто не касалась земли... [8].

Память, по Максиму, может быть земной и, по-видимому, обладаемой человеком после смерти: Последнее, что он отметил своей земной памятью, было распротёртое на синем снегу его собственное тело, вдруг ставшее для него чужим [6].

#### Концепт «душа»

Языковая модель ДУША КАК ЧЕЛОВЕК предполагает подстановочное значение души

(ср. *ни души = никого, ни одного человека*). В данных текстах она представлена в виде сценария: ...душа его, постепенно стяхивая хмель, начинала обретать сознание, а с ним и окружающий мир [8]. Максимов развивает эту модель, приписывает душе способность испытывать душевные и физические ощущения: очнулся я в палате, сплошь заставленной казарменными койками, на которых коротали время между оправками десятка три прихваченных дизентерийным поносом душ [7]; предчувствие некоей непоправимой беды впереди заставляло её душу время от времени обморочно замыкаться и падать [7]. По Максиму, душа может даже отделяться от тела ещё перед смертью: Душа жила уже сама по себе, воспринимая окружающее как бы сверху или со стороны [6]. Душа, как и человек, у Максимова имеет принадлежность к определённому народу: – Боже, царя храни, – плакала славянская душа горячими слезами... [7]. ДУША представлена также КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, которое может перейти в чувство: душа её опалённо взмывала, чтоб же свернуться в ней клубочком ледяного ужаса: пронеси, пронеси, пронеси! [6] (сценарий).

#### Концепт «слово»

В текстах встречается существующая в языке модель СЛОВО КАК ПРЕДМЕТ (ср. *за словом в карман не лезет*): Сквозь шелуху полых слов... сквозила такая исступленность в собственной правоте... [6] (фрейм). Максимов дополняет эту модель, наделяя слово округлой формой: Молва перекатывала из конца в конец города недавние слова Адмирала: «Бежать больше некуда, надо защищаться» [6] (сценарий), а также наделяя его возможностью изменять форму, становиться как бы более гладким, ровным: Весовщик, носатый грек в короткой кожанке, отпуская продукты, плутовато поигрывал торфяного оттенка глазами, раскатывал слова в пухлых губах: — Гоголев, Иван Семёныч, членов семьи четыре души... [8] (сценарий). СЛОВО также представлено КАК ВЕЩЕСТВО, которое находится в жидком состоянии: Фёдор,

постучавшись для порядка о косяк, вошёл и, едва открыв рот, захлебнулся начатым словом: у открытого шкафчика с медикаментами стояла женщина в белом халате и смотрела на него так, будто давно и уверенно ждала его прихода [8] (сценарий).

Лексико-семантическое поле слова также может быть выражено конститuentами бред, скороговорка, мольба, которые предстают как самостоятельные, отдельные от человека существа, предметы или вещество и также имеют сценарный тип: *А тем временем в разговор за его спиной неожиданно вклинилась чья-то насмешливая скороговорка: — Дозвольте мне, Ваше высокопревосходительство...; Цепкие ладони его сомкнулись вокруг тёплой пульсирующей шеи, сдавливая хрипящую ему в лицо мольбу...; Обмороженное, в чёрных пятнах лицо его с каждым часом всё более заострялось, глаза проваливались, горячечный бред клубился вокруг его западающих губ (все примеры – [6]).*

#### Концепт «время»

В данных текстах представлена модель ВРЕМЯ КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО: *По малым крупницам — обрывкам фраз, отдельным жестам, сбережённой памятью улыбке — она мысленно восстанавливала его облик, растворённый было в быстротекущем и транжиристом времени, чтобы снова вернуться туда, откуда тянулся к ней один-единственный голос; Вспомнить, понять, обернуться, увидеть истлевающее в муках прошлое и обратиться в соляной столп — это, наверное, выше сил человеческих. [6]. Одушевление происходит за счёт приписывания времени свойств человека. Прошлое также предстаёт в виде бабочки: *Зревший в моей душе кокон близкого озарения вдруг взрывается и на крыльях выпорхнувшей оттуда бабочки прошлого внезапно возникают витиеватые письма* [7]. ВРЕМЯ предстает КАК МЕХАНИЗМ, который «вчеканивает» слова людей в историю: *...им казалось, что наконец-то наступил для них тот самый звёздный час, когда, будучи едва произнесённой, любая их фраза уже вчеканивается временем в нерукотвор-**

*ные письма истории*. [6]. Все примеры данных моделей представлены в виде сценария.

Вслед за Карауловым мы будем понимать под прецедентными «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216].

В.В. Красных указывает, что прецедентная ситуация (ПС) – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определённых коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу [цит. по 2, с. 37]. Д.Б. Гудков демонстрирует яркий пример ПС на предательстве Христа Иудой, которая понимается как «эталон» предательства вообще. Дифференциальные признаки указанной ПС (например, подлость человека, которому доверяют, донос, награда за предательство) становятся универсальными, а атрибуты ПС (например, *поцелуй Иуды, 30 серебряников*) фигурируют как символы ПС [2, с. 37-38]. Эта ПС используется и Максимовым: *Некоторое время он машинально перечитывал текст именного формуляра, и все события минувшей ночи вдруг сосредоточились для него в этом прямоугольнике мягкого картона: недолгое застолье, бдение у озера, плач Марии, отречение Петруни, арест. Пальцы его внезапно ослабли, бумажка выскользнула из рук, шлепнулась в дождевую стремнину у его ног, затем, медленно намокая, понеслась вдоль водостока и вскоре исчезла из вида. В этот день он в первый и последний раз в жизни напился до глухого бесчувствия* [8]. Прообразом бригадира Ивана Хохлушкина, преданного Золотарёвым, является Иисус Христос. Работник НКВД Алимушкин говорит о нём: *«мужик головастый, только мозги набекрень и язык длинный»* [8], *«разводит... демагогию насчёт всеобщей справедливости»* [8], а его 12 единомышлен-

ников называет «рыбаками по сухому» [8], что вызывает ассоциации с 12 апостолами. Описание смерти бригадира отсылает нас к казни Христа: «...мучали они его долго, с чувством...» [8], «такая страсть началась, что и рассказывать страшно. Казнить вели, всё одно не держал на них сердца...» [8], «...жалел их...» [8].

Эта ПС используется также в романе «Заглянуть в бездну», где с Христом ассоциируется главный герой – А.В. Колчак: *Его предали подло и унижительно, предали за кучку золота, предали люди, которым он безоглядно доверился. Что ж, мать городов славянских, златоглавая Прага, теперь ты пожинаешь плоды своего тогдашнего предательства. Пусть же помнят правители и народы, какой ценой расплачиваются потомки за их легкомысленный флирт с дьяволом!* [6]

Письма Ивана и Матвея Загладиных стилем соотносятся с посланиями апостолов: «Здравствуйте, любезный брат мой Матвей! Во первых строках своего письма радуюсь сообщить, что вашими молитвами, слава Богу, живу хорошо, чего и вам желаю. Душевно уповаю, что доехали вы до места в добром здравии и спокойствии... Жизнь моя катится со дня на день в трудах и молитвах, конец срока скоро, только пусть ли, всё в руках Вседержителя нашего, оставят, значит, воля Его нести мне крест этот дальше, как нес его досе, но в кресте моём есть, однако, радость душевная способствовать ближним страждущим в узилище, чего по мере возможности делаю каждодневно... Наше дело, брат, пастьерское, поспособствовать только, недаром в Писании сказано: «Благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас»... Остаюсь навсегда ваш, меньшей брат Иван, Христос с вами» [8]. ПС является то, что вместе с Иваном Хохлушкиным были арестованы два разбойника, один из них говорит второму: *Нам с тобой хоть есть чего вспомнить, пожили в своё полное удовольствие, а эти-то телята за какой хрен туда же?* [8]

Караулов пишет о роли ПТ для языковой личности: «Как показывает проделанный

опыт, прецедентные для данной языковой личности тексты сплетаются в довольно плотную сеть, «пропустив» через которую её дискурс (т. е. некоторый, достаточно представительный массив порождённых самой ею текстов) мы получаем «в остатке» те проблемы, которые данная личность считает жизненно важными, самыми главными для себя как представителя человечества и над разрешением которых она бьётся; мы получаем набор черт её индивидуального характера, отражённый с помощью тех же прецедентных текстов; мы получаем, наконец, систему и чисто прагматических критериев и оценок, с которыми языковая личность подходит к жизненным ситуациям и коллизиям, а соответственно, и совокупность мотивов, определяющих её позицию и образ действий» [4, с. 235].

Итак, можно сделать следующий вывод: ПАМЯТЬ концептуализирована в данных текстах КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, НЕКОЕ ПРОСТРАНСТВО, НЕКИЙ ПРЕДМЕТ; ДУША представлена КАК ЧЕЛОВЕК и вообще КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО; СЛОВО предстает КАК ПРЕДМЕТ и КАК ВЕЩЕСТВО; ВРЕМЯ существует КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО и КАК МЕХАНИЗМ. Когнитивные модели имеют преимущественно сценарную структуру. Библейский прецедентный текст и прецедентные ситуации В. Максимов использует для осмысления советской эпохи, для выражения своего отношения к происходящему.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы: Монография. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, – 2009. – 401 с.
3. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная модель [Электронный ресурс] // Когнитивные аспекты лексикографии [сайт]. URL: <http://www.infoplex.ru/COGMODEL.HTM> (дата обращения: 20.12.2012).

4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-ое, стереотипное. – М. КомКнига, 2006. – 264 с.
5. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН: Сер. Лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – №1. – С. 3-10.
6. Максимов В.Е. Звезда адмирала Колчака (Заглянуть в бездну). – М. : Алгоритм, Эксмо, 2008. – 320 с.
7. Максимов В.Е. Собр. соч. В 8 т. Т. 3: Карантин. – М.: Терра, 1991. – 368 с.
8. Максимов В.Е. Собр. соч. В 8 т. Т. 6: Ковчег для незваных. – М.: Терра, 1992. – 285 с.
9. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
10. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Типы концептов [Электронный ресурс] // Библиотека Zinki.ru [сайт]. URL: <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/typy-konceptov/2/> (дата обращения: 20.12.2012).
12. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И., Телия В.И., Уфимцева А.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.